

субъекту, конгруэнтности его структуры познающим способностям последнего.

Таким образом, комплекс идей, разработанных Декартом – это метафизическое пространство кристаллизации классической рациональности. Выработанные философской рефлексией французского мыслителя принципы были восприняты европейской культурой в качестве всеобщих и абсолютных ее оснований. Проект, созданный этим мыслителем, получил дальнейшее развитие и воплощение. Важнейшими вехами этого процесса стали философские системы И. Канта и Ф. Гегеля. *Cogito* Декарта, трансцендентальный субъект И. Канта и абсолютная идея Ф. Гегеля – это не только ключевые моменты в развитии европейской философии, но и своего рода этапы перманентного расширения и неуклонного возвышения Разума в контексте европейской культуры. Фундаментальные установки картезианского рационализма достигли максимального выражения в панлогизме Ф. Гегеля, картезианское *cogito* обрело форму тотальности и предстало как безличный и надличный абсолют. В результате исходный принцип европейской классики был доведен до логического предела и с необходимостью вызвал к жизни свою противоположность. «Триумфальное» шествие рационализма завершилось возникновением во второй половине XIX века философского иррационализма, основной целью которого стали низложение *cogito* и реабилитация *sint* в различных версиях, что означало кризис классической рациональности и классической европейской культуры в целом.

Литература:

1. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М., Мысль, 1989.
2. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т. П. Лищук-Торчинская, г. Киев, Украина

История как прошлое имеет ценность, поскольку она содержится в нашем опыте – непосредственно (как «живая память»), или опосредованно (вследствие ознакомления с профессиональной историографией) и в значительной мере определяет наши поступки и отношения. Но вопрос о ценностном измерении истории как прошлого, и, как следствие – исторической науки – на самом деле не имеет простых решений. В разные исторические периоды на него мы получаем противоречивые ответы: от усмотрения наивысшей ценности истории в способности быть «учителем жизни» (Цицерон) до утверждения ошибочности употребления термина «мировая история» и вывода «История смысла не имеет» (Карл Поппер). Вопрос, который был вынесен Ф. Ницше в заглавие его работы – «О пользе

и вреде истории для жизни» – и поставлен, казалось бы, в сугубо прагматической плоскости, в настоящем вновь обретает актуальность и оказывается в центре исторического дискурса. Ф. Ницше пытался диалектически подойти к решению поставленного им вопроса, рассматривая его в категориях «положительной и отрицательной ценности истории» [5]. Но прагматический аспект оказывается весьма узким и недостаточным для обоснования значимости не только истории, но и любой гуманитарной дисциплины. Развитие каждой из наук обусловлено собственными эпистемологическими основаниями, вытекающими из ее природы. Г.-Г. Гадамер, к примеру, анализируя концепцию исторической науки В. Дильтея, ставит во главу угла исторического сознания принцип рациональности: «Такая же имманентная рефлексивность жизни, однако, определяет тот способ, каким, согласно Дильтею, в жизненной взаимосвязи возникает значение. Ибо значение переживается лишь тогда, когда мы прекращаем "охоту за целями". Это установление дистанции, отдаленность от взаимосвязи нашей собственной деятельности делают возможным осознание значения» [2, с. 285–286].

Когда же речь идёт о практическом значении исторической науки, то, казалось бы, для традиционного общества история в виде историописания, и шире – исследования и изучения – имеет несомненную ценность в статусе «учителя жизни», но так же несомненным кажется потеря этого качества в условиях общества, которому свойственны быстро нарастающие преобразования и кардинальные общественные изменения при жизни даже одного поколения. Таким образом по отношению к истории возникает другой стереотип: история никогда никого ничему не учит. Но ведь именно во время общественных потрясений, коренных изменений в жизни общества обостряется интерес к истории. Это и не удивительно, ведь в те времена общество проходит точку бифуркации, которая характеризуется вариативностью пути развития и выбора, который станет детерминировать будущее развитие системы спустя многие годы – до прохождения системой следующей точки бифуркации. В период выбора «ищут» именно то прошлое, которое предшествовало бы данному будущему, и то будущее, которое оказалось бы наследником данного прошлого. Этой задаче оказывается подчиненным выбор из исторического прошлого главных исторических событий и главных действующих лиц в облике героев, то есть происходит своеобразная репрезентация прошлого. Во время нахождения общественной системы в точке бифуркации не только известные исторические факты могут быть интерпретированы по-другому, но и происходит выявление новых фактов и событий, умалчиваемых ранее или сознательно, или мало известных широкой аудитории ввиду приписываемой им незначительности, что обусловило их недостаточную освещенность в исторической литературе.

Еще одно обстоятельство, которое зачастую используют в качестве аргумента для обоснования несостоятельности притязаний исторической науки осуществлять воспитательную функцию связано с противоречиями в среде профессиональных историков относительно установления и оценок исторических событий. Это обстоятельство связано с рефлексией над эпистемологическими основаниями исторического и шире – гуманитарного – знания, один из результатов которой в настоящем приобрел форму нового осознания субъекта познания: «Современная наука в разных своих сферах – от ядерной физики до лингвистики – видит ученого внутри описываемого им мира и частью этого мира» [4]. Между тем, отказ в исторической науке от монополии на истину ввиду ангажированности любого знания, ввиду того, что позиция исследования определяется его локализацией в политической, идеологической, гражданской системе связей зачастую считают проявлением кризиса исторической науки. Впрочем, различные оценки исторических событий существуют как на уровне политических идеологий, так и общественного сознания. Придание событиям статуса исторического факта – дело сообщества профессионалов-историков. Обсуждение ими вопросов, касающихся истории, что приобрели общественный интерес, способствует развитию той открытости сферы публичного пространства, о которой писал Ю. Хабермас в работе «Структурные преобразования в сфере открытости. Исследование категории гражданское общество». Инициирование исторического дискурса в обществе по поводу сложных вопросов прошлого, в который были бы вовлечены все заинтересованные стороны – и профессионалы-историки, и общественность, и политики, свидетельствует о демократичности общественно-политического строя.

Могущественный импульс заинтересованности историей базируется на поиске в прошлом экзотического, отличного от настоящего, или, обобщенно – истории Другого: «Благодаря своей парадоксальности и критическому подходу "историзирование" было одной из главных причин популярности исторического жанра, от Монтеня до Печальных тропиков Леви-Строса и Истории безумия Фуко разнообразие ценностей у разных народов и в разные времена всегда было одной из важнейших тем, волновавших Запад» [1]. В похожем отношении к прошлому, как подчеркивает П. Вен, содержится эвристическая ценность, состоящая в возможности расширения горизонтов исторического познания: «Изучение любой цивилизации обогащает наши познания о другой цивилизации, и, прочитав Путешествие в Китайскую империю Юка или Путешествие в Сирию Вольнее (Volney), мы непременно узнаем что-то новое о Римской империи» [1]. На этом основании П. Вен предлагает применять как универсальный способ исследования исторический компаративизм.

История как академическая дисциплина, возникла во времена становления национальных государств, выполняя задачи легитимации власти и государственности и средства национальной идентификации граждан. Настоящее же характеризуется процессом глобализации, который, кардинальным образом изменяя общественно-политическую жизнь и нашу повседневность, влияет на изменение задач исторической науки [3, с. 62–76].

Г.-Г. Гадамер, говоря о призвании социально-гуманитарных наук, заметил: «...человеческий дух, который заботится о защите и надежности, должен противопоставить "неисповедимости" жизни, ее "ужасному лицу" научно сформированную способность понимания. Она должна так широко раскрыть жизнь в ее общественно-исторической действительности, чтобы знание, несмотря на неисповедимость жизни, обеспечивало защиту и надежность» [2]. Несомненно, что большое значение в выполнении этой задачи принадлежит исторической науке, как бы со временем в свете новых парадигмальных исканий не изменялся ее облик.

Литература:

1. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии (Приложение) – Фуко совершает переворот в истории / Поль Вен. – М. : Научный мир, 2003.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер– М. : Прогресс, 1988.
3. Ліщук-Торчинська, Т.П. Тенденція побудови та зміни історичних наративів в добу глобалізації / Т.П. Ліщук-Торчинська // Методологія і теорія гуманітарних досліджень в умовах глобалізації. – Дн-вськ : Вид-во Маковецької, 2012.
4. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) – СПб. : «Искусство – СПб», 2000.
5. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше. Собрание сочинений : в 5 т. – Т. 1. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.

АФЕРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КРЕАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДМЕТНОГО, НОРМАТИВНОГО И РЕФЛЕКСИВНОГО ЗНАНИЯ В НАУКЕ

В.К. Лукашевич, г. Минск, Беларусь

Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в науке – это фундаментальный когнитивный процесс, обуславливающий качество приращенного знания и уровень осмысленности путей его получения. Для каждого из названных типов (системообразующих для науки как сферы интеллектуальной